

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АРХИВ

МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ
И ОБЩЕСТВЕННОГО ДВИЖЕНИЯ

4

Под редакцией
М.П.АЛЕКСЕЕВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА - ЛЕНИНГРАД
1 9 5 3

НЕСКОЛЬКО ДОКУМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ К ИСТОРИИ СЮЖЕТА «РЕВИЗОРА»

О том, что сюжет «Ревизора» был Гоголю внушен Пушкиным, мы знаем как из признаний самого Гоголя (в «Авторской исповеди»: «Мысль „Ревизора“ принадлежит также ему»; ср. также письмо Гоголя к Пушкину от 7 октября 1835 года), так и из ряда мемуарных источников, подтверждающих, что от Пушкина Гоголь мог слышать не один, а несколько сходных рассказов о «мнимом ревизоре», с разными их местными приурочениями. Так как «при нынешнем состоянии источников вопрос об исходной дате в истории замысла „Ревизора“ вполне точному решению не поддается» (см.: Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. АН СССР, М., 1951, стр. 524—526), то изучение важнейших вариантов этих рассказов Пушкина Гоголю с точки зрения времени их возникновения представляется небесполезным и желательным. В числе этих рассказов о «ревизорах», якобы сообщенных Гоголю Пушкиным (см. записи их у П. В. Анненкова, П. И. Бартенева, О. М. Бодянского и др.; ср. еще: Разговоры Пушкина. Собрали С. Гессен и Л. Молзалецкий, М., 1929, стр. 229—230), уже давно обратил на себя внимание тот, который сохранен в «Воспоминаниях» гр. В. А. Соллогуба. По его словам, Пушкин рассказал Гоголю «про случай, бывший в г. Устюжне Новгородской губернии о каком-то проезжем господине, выдавшем себя за чиновника министерства и обобравшем всех городских жителей». Сообщив далее о другом аналогичном происшествии (известном также и из других источников) с самим Пушкиным, которого в 1833 году во время его поездки за матерналами для «Истории Пугачева» приняли за «тайного ревизора», имевшего будто бы предписание «обревизовать секретно действия оренбургских чиновников», В. А. Соллогуб заключил: «На этих двух данных задуман был „Ревизор“, коего Пушкин называл себя всегда крестным отцом» (В. А. Соллогуб. Воспоминания. Редакция С. П. Шестерикова, М., 1931, стр. 516; впервые напечатано в «Русском архиве», 1865, № 5—6, стр. 744—745). Как ни кратко первое из этих сообщений Соллогуба, оно все же вызывает вопросы о том, был ли такой случай в городе Устюжне и действительно ли знал о нем Гоголь со слов Пушкина? На первый из этих вопросов мы имеем возможность ответить вполне утвердительно на основании документальных данных.

Во второй половине 20-х годов должность городничего уездного города Устюжны занимал Иван Александрович Макшеев. В прошлом это был гвардии капитан Кексгольмского полка, участник войн 1812—1814 годов, принимавший участие в осаде Данцига в 1813 году («Бумаги, относящиеся до Отечественной войны» в «Сборнике Новгородского об-

щества любителей древности», вып. VI, Новгород, 1912, стр. 6). После ранений он был уволен в отставку и в 1824 году назначен городничим города Устюжны, сменив в этой должности Толбузина (приводим эти данные на основании документов Устюжнской городской думы, просмотренных нами в 1920 году. В настоящее время местонахождение этого архива неизвестно).

Через пять лет после этого назначения в Устюжну приехал какой-то неизвестный человек, показавшийся новгородскому губернатору А. У. Денферу подозрительным. Городничий Макшеев получил по этому поводу от губернатора запрос, в форме письма, следующего содержания:

«27 мая 1829 года

Милостивый Государь мой

Иван Александрович,

известясь частно, что проезжающий из Вологды на собственных лошадях и в карете некто в партикулярном платье с мальтийским знаком, проживает во вверенном Вам Городе более пяти дней, о причине столь долгого его нахождения, ниже и того к какому он классу людей принадлежит, никто из жителей даже и сами Вы не знаете, почему необходимо считаю иметь от Вас сведение по какому случаю проживал он в Устюжне не входил ли в общественные собрания и в присудственные места и не обращал ли он какого либо внимания на какие-нибудь предметы, если же он и ныне находится в Устюжне спросить о звании его и меня без промедления времени уведомить.

С почтением имею честь быть,
милостивый Государь мой,
ваш покорный слуга
Август Денфер.

№ 5829

20 мая 1829
Новгород
Его Высокоб.
Макшееву»

Первая дата («27 мая 1829 года») — дата получения письма — написана не тем почерком, каким написано письмо.

Это письмо губернатора является официальной бумагой, занумеровано губернаторской канцелярией. Весьма возможно, что за любезным тоном скрывалась и тревога администратора, и его недовольство недостаточно бдительным городничим.

Ношение неизвестным проезжим мальтийского знака должно было в то время показаться подозрительным, так как русский мальтийский крест после смерти Павла I был упразднен. (Ношение ордена было запрещено специальным указом Александра I в 1817 году).

Мы не знаем, как ответил на запрос губернатора городничий, но полагаем, что уже факт сохранения городничим в своих домашних бумагах именно этого письма позволяет думать, что сам городничий придавал ему какое-то значение.

Конечно, запрос без ответа не остался. Но мы не знаем того, насколько удовлетворил губернатора ответ городничего, хотя нам известно, что губернатор немедленно решил лично обревизовать свою губернию. Но

отправлялся он на ревизию не неожиданно и не инкогнито, а предупредил о своем приезде заблаговременно. В хранившейся в Новгородском областном архиве «Книге Устюжнской Градской Думы на записку получаемых из разных присудственных мест и от лиц сообщений, отношений и просителей прошений № а 1829 год» в графе под заголовком: «По каким делам докладывано» записано «июня 4-го дня», под № 6358/181, «Предписание Г. Новгородского гражданского губернатора и кавалера... об отъезде его для обревизования губернии в последних числах июня и о прочем». Ни переписка, ни ревизия губернатора на служебном положении городничего Макшеева не отразились: он еще несколько лет после этого служил городничим.

К сообщению Соллогуба о приезде в Устюжну подозрительного путешественника отнеслись в свое время с полным доверием Н. А. Котляревский (Н. А. Котляревский. Н. В. Гоголь, изд. 3-е, 1911, стр. 308), А. И. Лященко (А. И. Лященко. «Ревизор» Гоголя и комедия Квитки «Приезжий из столицы». Сб. «Памяти Л. Н. Майкова», СПб., 1902, стр. 524), П. О. Морозов (П. О. Морозов. Из заметок о Пушкине. «Пушкин и его современники», вып. XII, стр. 111—112) и позднейшие исследователи, занимавшиеся историей сюжета «Ревизора»: В. В. Гиппиус (В. В. Гиппиус. Литературное общение Гоголя с Пушкиным. «Ученые записки Пермского Государственного университета», вып. 2, 1931, стр. 96), С. С. Данилов (С. С. Данилов. Гоголь и театр, Л., 1936, стр. 87) и другие. В 1913 году был напечатан фельетон Ф. Д. Батюшкова «Знал ли Гоголь Россию» («Речь», 1913, № 301). Отметим, что Ф. Д. Батюшков принадлежал к числу землевладельцев Устюжского уезда (унаследовав после поэта К. Н. Батюшкова и этнографа П. Н. Батюшкова усадьбу «Даниловское»). В этом фельетоне Батюшков сослался еще на один источник, подтверждавший истинность сообщения Соллогуба. Таким источником оказались показания «местных старожиллов». Можно думать, что провинциальные чиновники и местные жители действительно в чем-то попали впросак. Об их промахе, надо полагать, стало известно не только Соллогубу, но и другим литераторам, а в среде местного дворянства память о комическом происшествии сохранялась довольно долго.

Городничего давно уже не было в живых, когда в литературе появились сведения о том, что в основу «Ревизора» Гоголем положен факт, имевший место в городе Устюжне. Реагировать на это пришлось уже не городничему, а его семье.

Сын городничего Алексей Иванович Макшеев (1822—1892) был профессором Николаевской военной академии генерального штаба. В юные годы это был прогрессивно настроенный офицер, имевший связи с кружком петрашевца Н. А. Момбелли. Не удивительно, что он постарался поменять обстановку николаевских казарм на работу научного исследователя в области топографии и статистики.

В бумагах профессора Макшеева оказался черновик заметки, которая была написана им за год до его смерти. Заметка осталась неопубликованной, но, очевидно, предназначалась к напечатанию. Приводим ее полностью.

«Заметка, касающаяся „Ревизора“ Гоголя»

В печати не раз повторялось известие, что происшествие, послужившее сюжетом для комедии Гоголя Ревизор, случилось в городе Устюжне Новгородской губернии. Перед появлением Ревизора, то есть в конце двадцатых и начале тридцатых годов нынешнего столетия, город-

ничим в Устюжне был мой отец человек в высокой степени добрый мягкий и честный, не имевший ничего общего с Сквозник-Дмухановским. Гоголь не мог, конечно, писать портреты лиц, совершенно ему незнакомых. Он рисовал образы, создаваемые ему фантазией, при помощи скопленного им запаса личных наблюдений. Относительно великорусской уездной жизни, запас этот был однако далеко не так богат, как у Салтыкова, но все происшедшие отсюда ошибки в комедии остались незамечными, благодаря громадному комическому таланту Гоголя. Позволю себе указать на некоторые из этих ошибок:

Уездный Судья, избираемый в дореформенное время из наиболее уважаемых дворян, большею частью не знал законов и ограничивал свою деятельность подписыванием бумаг, заготовленных Секретарем, но не был Ляпкин-Тяпкин. Ляпкины-Тяпкины были Исправник, хотя тоже выборный, но из дворян другого склада, чем судьи, секретари судов и многочисленное сословие приказных, о которых комедия умалчивает.

Никакого попечителя богоугодных заведений не было, по крайней мере в таких городах, как Устюжна, потому что не было самих богоугодных заведений.

Учитель истории, не только не воодушевлялся в своих рассказах до ломания стульев, но и ничего не рассказывал, и ограничивал свою деятельность спрашиванием заданного места в книге и поркою тут-же среди класса не выучившего урока.

Добчинский и Бобчинский — лица выдуманные ради комизма. С другой стороны в комедии нет крупных деятелей в дореформенном уезде, как исправник, секретари, предводитель дворянства, стряпчий, откупщик и проч.

Гоголь не имел, конечно, в виду изобразить точной и полной картины уездной жизни и ограничивал свою задачу облечением в комическую форму анекдота о ревизоре, рассказанного ему Пушкиным.

Анекдот этот мог быть связан с городом Устюжно, но я не слышал о нем ни от отца и ни от кого из старожилов города. Нынешним летом, разбирая фамильные бумаги, я нашел подлинное официальное письмо Новгородского губернатора Денфера к моему отцу от 20 мая 1829 года за № 5829, с отметкою рукою последнего о получении его 27 мая того же года. Письмо это, писанное малограмотным писарем без всяких знаков препинания, касается проезда какого-то неизвестного, в партикулярном платье и с мальтийским знаком, из Вологды в Устюжну на собственных лошадях и в карете. Обстоятельство это, вероятно, и послужило основой легенды о ревизоре. Вот это письмо: <см. выше, стр. 32>.

А. М.

25 сентября 1891 г.»

Повидимому, приведенным выше письмом губернатора заметку предполагалось закончить, так как в конце стоят уже инициалы автора и дата.

Аргументы А. И. Макшеева не убедительны. Непонятно, каким образом «легенда о ревизоре» могла быть порождена секретным письмом, о существовании которого никто до настоящего времени и не знал. Гораздо правдоподобнее предположение, что и прежнее молчание и намечавшееся выступление в печати имели одну и ту же цель: во что бы то ни стало реабилитировать отца. Так же действовали и другие члены семьи. Двадцать лет тому назад две родственницы профессора Макшеева передали мне портрет городничего Макшеева, заявив при этом: «Это —

тот, о котором Гоголь писал... Смотрите, не вздумайте в музей отдавать, лучше в печке сожгите». Это странное требование, разумеется, не было выполнено. Затем одна из дочерей профессора Макшеева подарила мне публикуемые здесь документы, а другая в своем письме написала мне: «Я боялась бы лишь одного, — чтобы честное имя дедушки не подверглось нареканию». В настоящее время никого из них уже нет в живых.

Все названные выше документы переданы мной в Рукописный отдел ИРЛИ (ф. 652, оп. 2, № 88, 89; см.: М. И. Малова. Обзор новых материалов, поступивших в Рукописный отдел Института русской литературы. «Бюллетени Рукописного отдела Пушкинского Дома», вып. III, М.—Л., 1952, стр. 86—87). Здесь же находится упомянутый акварельный портрет городничего города Устюжны (неизвестного художника 1830-х годов) (см.: Описание рукописей и изобразительных материалов Пушкинского Дома, I, Н. В. Гоголь, Изд. АН СССР, М.—Л., 1951, стр. 78).

Итак, на первый вопрос: был ли в Устюжне такой случай, о котором рассказывает В. А. Соллогуб, можно ответить утвердительно.

Труднее ответить на другой поставленный выше вопрос: дошли ли рассказы о происшествии в городе Устюжне до Гоголя в передаче Пушкина?

В области географической номенклатуры у Гоголя есть один факт, который позволяет нам утверждать, что Гоголь слышал об устюжнской истории. Если мы учтем различные географические пункты (не принимая в расчет столицы и губернские города), которые названы в художественных произведениях Гоголя, то окажется, что мы найдем здесь около пятидесяти украинских названий, упоминаемых до двухсот раз. Мы встретим здесь и города, и местечки (Миргород, Диканька, Запорожье, Гадяч, Сорочинцы, Канев, Галич, Батурин, Глухов, Дубно, Лохвица, Конотоп, Умань, Буджаки, Кременчуг, Нежин, Немиров, Переяслав, Ромны, Черкассы, Чигирин, Шклов, Шумск, Перекоп и др.), и реки (Днестр, Голтва, Псел, Сула, Остер, Сейм, Хорол), и монастыри (Братский, Межигорский, Киевский), и дороги (Переяславская, Опшынская, Чухрайловская) и т. д. Названия же русских мелких географических пунктов встречаются у Гоголя так редко, что их можно пересчитать по пальцам. Торговцы мясом названы холмогорскими купцами; какие-то подравшиеся купцы названы устьсысольскими и сольвычегодскими. Упоминаются Тетюши и Царевококшайск, запомнившиеся, очевидно, благодаря своему необычному звучанию. Торжок упомянут в связи с тем, что именно в нем шились описываемые автором туфли. Зато у Гоголя встречаются никогда не существовавшие местности: город Тьфуславль, Тремалаханский уезд, деревни Гурмайловка и Трухмачевка, или даже просто «город Б». Поэтому нельзя не обратить внимания на то, что в тех двух случаях (в «Мертвых душах» и в «Тяжбе»), когда Гоголю нужно было наметнуть на провинциальное захолустье, от которого «хоть три года скачи, ни до какого государства не доедешь», он употребил название Весёгонска (ближайший от Устюжны город) и название Устюжского уезда.

В комедийных фрагментах «Тяжба» (напечатано в 1840 году) «Устюжский уезд» упоминается даже дважды («Знавали ли в устюжском уезде помещицу Евдокию Малафеевну Жеребцову?»; «оставляю во владение родовое и благоприобретенное имение мое в Устюжском уезде», — Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1949, стр. 112, 113). Не случайно Гоголь назвал уезд Устюжским, а не Устюжнским. В его время именно так и говорили. Только в последнее время, уже на нашей памяти, по мере распространения всеобщей грамотности, произношение «Устюжнский» вытеснило старую форму «Устюжский». В свое

время она даже доставила много неприятностей почтовым чиновникам, которым по этому поводу приходилось часто сноситься и переписываться с Великим Устюгом (уезд которого официально назывался «Устюгским»). Форма «Устюжский» употреблялась очень часто и в официальных документах. Поэтому мы можем утверждать, что Гоголь про Устюжну и ее уезд когда-то слышал. Из мемуаров Соллогуба ясно, когда и что именно он слышал.

Таким образом, и на второй вопрос: слышал ли Гоголь о подозрительном устюжском путешественнике, можно, повидимому, ответить утвердительно. Неясным остается лишь то, от Пушкина ли дошел до Гоголя этот рассказ: помимо свидетельства Соллогуба, мы не имеем других данных о знакомстве с устюжскими событиями Пушкина. Гоголь мог услышать об этом и от кого-либо другого из числа своих петербургских знакомых. С другой стороны, нельзя утверждать, что история об устюжском авантюристе легла в основу создания «Ревизора», даже приняв высказанную выше догадку о знакомстве с ней Гоголя.

Гоголевские герои, при всем своем широком типизме, сплошь и рядом так тонко отшлифованы, так ярки и жизненны, что могут показаться чьим-нибудь портретом, а между тем именно у Гоголя портретов-то и нет. И сам Гоголь протестовал против такого, слишком узкого понимания своих героев. В «Театральном разъезде» он говорит устами второго зрителя, что нельзя принимать «за личность то, в чем нет и тени личности... Это сборное место» (Н. В. Гоголь, Полное собрание сочинений, т. V, Изд. АН СССР, 1949, стр. 160). «Поясняя свой метод создания характеров, — писал В. В. Гиппиус, — Гоголь не раз отмечал независимость своих образов от непосредственных реальных прототипов. Он называл свой метод методом „соображения“, подчеркивая, что в типах его объединяется многое, „разбросанное в разных русских характерах“, настаивал, например, на том, что хлестаковские черты могут встречаться у людей, не лишенных достоинств — и даже у каждого человека...» (В. В. Гиппиус. Заметки о Гоголе. III. Вариант Хлестакова. «Ученые записки Ленинградского государственного университета. Серия филологических наук», вып. 11, Л., 1941, стр. 9). Многочисленность вариантов рассказов о «мнимых ревизорах», якобы переданных Гоголю Пушкиным также подтверждает обобщающую типичность не только отдельных образов комедии Гоголя, но и всего ее сюжета. Ближайшие современники Гоголя неоднократно возвращались к обсуждению этого вопроса и решали его утвердительно. Напомним, в связи с этим, забытое свидетельство в очерке А. П. Милюкова «Современные самозванцы», относящееся к 60-м годам.

«В одном полужнакомом доме, — рассказывает А. П. Милюков, — случилось мне попасть на давно уже опошленные споры о том, возможен ли в действительности случай, на котором Гоголь основал своего Ревизора. Ну, зачем бы, кажется, толковать в наше время о таком старом вопросе, который десятки лет обсуживался и критикой, и самой публикой? Между тем спор тянулся почти целый вечер. И кружок, в котором об этом толковали, состоял не из темных, отсталых стариков: тут были люди, знакомые и с литературой, и с русской жизнью: студенты, офицеры, доктор, учитель из какого-то казенного заведения и три или четыре дамы, читающие постоянно журналы. Правда, сомнение в том, чтобы фат Хлестаков в состоянии был напустить туман на целый город и разыграть в нем роль влиятельного человека, поддерживалось в отрицательном смысле не больше как двумя или тремя лицами; все же остальное общество заявило, что подобный случай представляет у нас явление, не только возможное,

но нисколько не исключительное, даже обыденное, естественно вытекающее из строя нашей жизни.

«Тут поставлены были на вид давно известные аргументы о том, что действие комедии происходит в городишке, от которого, по словам одного из действующих лиц, хоть скачи три года, ни до какого государства не доедешь, что чиновники с грязной совестью, застигнутые врасплох вестью о приезде официального инкогнито, ошеломлены этим неожиданным ударом, и наконец все действие пьесы длится несколько часов, с утреннего сборища в доме городничего до отъезда мнимого ревизора в тот же вечер».

Приведя ряд рассказов о «подвигах этих Хлестаковых» недавнего времени, А. П. Милюков заключал свой очерк следующими словами: «Рассказы эти, сколько я заметил, поколебали скептиков, не веровавших в возможность завязки и развязки „Ревизора“. Они, кажется, перестали сомневаться в том, что подобные мистификации случаются у нас сплошь и рядом, не только в провинциальных захолустьях, но близь центра и даже в самом центре нашей отечественной цивилизации» (А. П. Милюков. Рассказы и путевые воспоминания, СПб., 1873, стр. 319—320. 343—344).

А. А. Поздеев
